

Они вошли в квартиру. Дверь в спальню была открыта, и оттуда донесся голос Чэн Лие:

— Хуаймин, кто там пришел?

Чэн Хуаймин не ответил. Он прошел на кухню, выключил плиту, взял плошку с отваром и повел гостей в спальню. На кровати, вытянувшись в струнку, лежал Чэн Лие — одна его рука была в гипсе, а поясницу перекосило от боли.

Лян Чэн подошел к кровати и безучастно спросил:

— Почему не в больнице?

За последние годы Чэн Лие сильно постарел и стал самым настоящим стариком. Он уставился на Лян Чэна, словно не веря собственным глазам, и лишь спустя долгое время тяжело перевел дух:

— Я ведь не сплю?..

Цяо Юаньлинь, державший в руках коробку молока, поставил ее и спросил:

— Дядя, вы меня помните?

Чэн Лие на секунду задумался, а затем вспомнил:

— Тот мальчик, который притворился, будто нашел деньги... Я так и знал, что вы знакомы! — от радости он неловко повернулся, поморщился от боли в пояснице, но все же улыбнулся: — Садитесь, присаживайтесь скорее.

Лян Чэн был в рубашке и брюках. И хотя пара верхних пуговиц была расстегнута, а рукава закатаны до локтей, это ничуть не умаляло его холодного и отстраненного благородства. Раз уж он привел сюда Цяо Юаньлиня, его цель была достигнута, и пускаться в воспоминания он не собирался.

Чэн Хуаймин все понял без слов. Достав пачку сигарет, он предложил:

— В комнате душно, пойдем покурим на балконе.

В спальне остался один Цяо Юаньлинь. Объяснив цель своего визита, он достал служебное удостоверение и выразил надежду, что Чэн Лие согласится на интервью.

Из уважения к Лян Чэну Чэн Лие не мог сразу отказать, но все же смущенно произнес:

— Я правда считаю, что в этом нет нужды. Хотя я сейчас и на пенсии, но отдал службе в полиции десятки лет. Для полицейского ловить преступников — дело обычное, не за что тут награждать.

Цяо Юаньлинь возразил:

— Герои заслуживают того, чтобы о них знали.

— Да какой из меня герой, — горько усмехнулся Чэн Лие. — Я обычный участковый, за всю жизнь крупных дел почти не вел. Теперь вот состарился, незачем мне светиться на публике и строить из себя важную птицу.

Цяо Юаньлинь ненадолго замолчал, а потом тихо спросил:

— А непредумышленное убийство ради спасения приемной матери — это крупное дело?

Чэн Лие опешил, его лицо мгновенно залила краска:

— Ты... знаешь про Лян Чэна?

Посреди резкого запаха целебных трав Цяо Юаньлинь словно уже начал брать интервью. У него не было заготовленного плана или определенного ракурса — повинувшись одному лишь чутью, он задавал вопросы, которые один за другим всплывали в голове.

Чэн Лие с трудом подбирал слова. Пожилой полицейский, только что совершивший подвиг, мысленно вернулся к событиям более чем десятилетней давности. Перед его глазами хаотичной чередой замелькали образы прошлого: женщина, вызвавшая полицию; подросток, покрытый ссадинами и синяками; мужчина, который изворотливо оправдывал себя.

Почему он тогда не придал этому значения? Почему счел обычным семейным раздором, строгостью родителей по отношению к ребенку? Так продолжалось до той самой ночи, когда экстренный вызов хлестнул его, точно железный бич.

Но было уже слишком поздно. Не успев толком осознать случившееся, он был вынужден первым делом надеть наручники на юношу, который когда-то молил его о помощи.

Чэн Лие раскаивался до сих пор — эта боль осталась с ним на всю жизнь, и он считал, что недостоин славы «хорошего полицейского».

Выслушав его, Цяо Юаньлинь заговорил уже как друг Лян Чэна:

— Лян Чэн согласился прийти не только ради меня. В его жизни многое изменилось, и он изо всех сил старается отпустить прошлое. Примирение — слишком громкое слово, но я надеюсь, что вы оба сможете распутать этот узел в душе и вздохнуть свободнее.

Чэн Лие провел ладонью по лицу:

— То, что он пришел сегодня, уже стало для меня огромным и радостным потрясением. Большого я и просить не смею.

Цяо Юаньлинь записал свои контакты и сказал:

— Дядя, если передумаете, свяжитесь со мной в любое время.

— Не уговаривай меня, мне стыдно принимать эти похвалы...

— Нет, — Цяо Юаньлинь помог Чэн Лие приподняться на кровати и протянул ему остывающий отвар. — Красивые слова приятны слуху, но они блекнут перед тем, что вы только что рассказали. Я хочу сделать с вами персональное интервью.

Чэн Лие изумленно уставился на него, а юноша продолжил:

— Рассказать и о вашей гордости за службу, и об упущенных возможностях. Нельзя перечеркивать всю жизнь из-за одной ошибки. Награда за отвагу призвана вдохновить людей на добрые поступки. Но я также хочу, чтобы в этом интервью вы упомянули и о событиях прошлых лет, предостерегая остальных от подобных промахов.

Лян Чэн выкурил на балконе две сигареты. За это время они с Чэн Хуаймином обменялись ровно тремя репликами: о том, что хлорофитум в горшке хорош, погода сегодня отличная, да и зелени во дворе прибавилось.

Когда Лян Чэн уже готов был сброситься с балкона от невыносимой скуки, из спальни вышел Цяо Юаньлинь. С легкой улыбкой он произнес:

— Пойдем.

Они вышли из квартиры и зашли в лифт. Лян Чэн, брезгуя прислоняться к не слишком чистым стенам, встал ровно посередине кабины, засунув руки в карманы. Цяо Юаньлинь устроился прямо перед ним и с живым интересом принялся разглядывать дурацкую рекламу на экране.

— Чэн Лие согласился? — спросил Лян Чэн.

— Угу, — Цяо Юаньлинь обернулся и слегка откашлялся. — От тебя пахнет табаком. Этот запах даже хуже, чем у китайской медицины.

— У Чэн Хуаймина сигареты дрянные, — свалил вину Лян Чэн.

— Хороших сигарет не бывает, — отрезал Цяо Юаньлинь.

— Я обычно не курю, — добавил Лян Чэн.

— Больно надо мне следить, куришь ты или нет, — буркнул Цяо Юаньлинь, отворачиваясь.

Лян Чэн скользнул взглядом по его круглому затылку с густыми волосами, так и лучившемуся сообразительностью.

— Ладно, пусть сигареты тебя не волнуют. Но я ведь помог тебе, мог бы хотя бы покормить обедом?

Летом в Пинхай съезжалось множество туристов, поэтому в уличных закусочных не протолкнуться, а перед дверями мало-мальски приличных заведений выстраивались длинные очереди.

Ни Лян Чэн ни Цяо Юаньлинь не хотели тратить время на ожидание. Прокружив на машине пару кварталов, они так и не нашли подходящего места.

— И не говори потом, что я зажал обед, — заметил Цяо Юаньлинь. — Это сами небеса помогают мне сэкономить.

Лян Чэн хотел было возразить, но на экране мультимедийной системы вспыхнуло уведомление о входящем вызове от «Ин-гэ». Забыв наушники, он нажал на кнопку громкой связи:

— Алло?

— Отдыхаешь сегодня? — спросила Ин Сяоцун.

Выходные были самыми загруженными днями для ресторанов. Лян Чэн спросил:

— Что-то случилось?

— Еще бы, — ответила Ин Сяоцун. — Нужно обсудить с тобой одно важное дело.

Поворачивая на перекрестке, Лян Чэн выдвинул свои условия:

— Оставь нам столик в ресторане, мы приедем вместе с Цяо Юаньлинем. Иначе у меня нет времени.

— Ого, у вас свидание? — легко согласилась Ин Сяоцун. — Ладно, отложите романтику на потом и дуйте сюда поживее!

Звонок завершился, и вопрос с обедом разрешился сам собой. Лян Чэн потянулся включить музыку, но тут же получил от Цяо Юаньлиня звонкий шлепок по руке, заставивший его вернуть ладонь на руль.

— Что такое? — удивился он.

Цяо Юаньлинь надулся:

— С чего это я должен вести тебя в ресторан «Хайсяньхуэй»? Там же безумно дорого!

Лян Чэн усмехнулся:

— Мы поедем за счет Ин Сяоцун, идет?

Полчаса спустя Лян Чэн и Цяо Юаньлинь приехали в ресторан. Заглянув в зал, они увидели, что все столики до единого заняты, и мысленно обругали необязательную Ин Сяоцун.

Администратор проводил их к кабинету генерального директора. Он постучал и приоткрыл дверь. В просторной комнате, как ни странно, не оказалось письменного стола — прямо посередине стояла двуспальная кровать, рядом возвышались стойка для гантелей и телевизор, а на стенах красовались картины: слева висел свиток с каллиграфией «Трудны дороги в Шу», а справа — «Улыбка Моны Лизы».

Цяо Юаньлинь опешил от увиденного и переступил порог в полном замешательстве. Лян Чэн тоже видел такое впервые и на мгновение лишился дара речи.

Пока они топтались у входа, Лао Сы мотнул головой:

— Что, я теперь такая знаменитость, что вы даже подойти боитесь?

— Хватит нести чушь, — Ин Сяоцун поманила их рукой. — Проходите скорее, вы есть-то собираетесь?

На журнальном столике уже было расставлено несколько блюд, продукты для которых Лао Сы выбирал лично. Рядом красовалась коробка с виски самых разных марок: «Синсю Ивай», «Гленморанджи», «Бомо», «Балвени».

Цяо Юаньлинь опустился на кресло-мешок. Оно было довольно низким, так что он невольно прижался боком к длинным, стройным ногам Лян Чэна.

В прошлый раз они обедали вчетвером здесь же — ели карри-хотпот и обсуждали покупку заведения. Увидев коробку с алкоголем, Лян Чэн поинтересовался:

— Решили открыть магазин табака и спиртного?

Ин Сяоцун поморщилась:

— Ну и отсталый же ты. Я вообще-то бар собираюсь открыть!

Улица Фаньди в западном торговом квартале считалась самым модным местом в Пинхае. Там находилось множество бутиков одежды, постоянно крутились дизайнеры и байеры. Четыре года назад кто-то открыл на этой улице первый бар.

Заведение мгновенно взлетело. Завсегдатаями сначала стали представители модной индустрии, а следом подтянулась и остальная публика. Инвесторы хлынули рекой, и за прошедшие годы улица превратилась в сплошную вереницу баров.

— Моя подводка... — Ин Сяоцун прервалась на полуслове и сделала глоток.

Цяо Юаньлинь пристально посмотрел на нее:

— Ты еще и глаза подводишь?

Ин Сяоцун лишилась дара речи и подобрала другое слово:

— Мои уши и глаза донесли, что владелец одного бара прогорел на акциях, ему срочно нужны оборотные средства, и он хочет сбыть заведение.

Лао Сы добавил:

— Ин-гэ спросила, не хочу ли я войти в долю. По-моему, дело стоящее.

Ин Сяоцун спросила Лян Чэна:

— Мы ведь свои люди, не хочешь присоединиться?

Лян Чэн в рот не брал алкоголя и в барах-то отродясь не бывал. Столь внезапное предложение вложиться в питейное заведение его совсем не прельщало.

— Ин-гэ, — сказал он, — ты раньше держала уличную закусочную, так что опыт в ресторанном деле у тебя есть. Но бар — это совсем другое.

— Да, я тоже об этом думала, — согласилась Ин Сяоцун. — Но уж очень я люблю пробовать что-то новое.

Цяо Юаньлинь молча жевал мясо. В своей репортерской практике он не раз видел, к какому краху приводят неудачные вложения, поэтому с беспокойством спросил:

— Ин-гэ, а ты уверена в успехе?

Ин Сяоцун рассмеялась, у уголков ее глаз собрались мелкие мимические морщинки.

— Ты за меня так переживаешь или все-таки за Лян Чэна?

<http://bllate.org/book/18284/1753071>